

Человечество похоже на больного, который страдает во всяком положении и, однако, постоянно себя обнадеживает, что станет лучше, если повернуться на другой бок.

Ж. Ренан

ГЛАВА 1

Как обычно, все началось с телефонного звонка. Дронго уже давно привык к тому, что ему звонят за полночь или даже под утро, поскольку сам ложился в четыре-пять, считая ночь наиболее продуктивным временем для работы мозга, когда можно спокойно просмотреть газеты в Интернете, почитать, ответить на запросы друзей.

Отправляясь спать, он, как правило, убирал звук телефона, оставляя включенным автоответчик, чтобы утром решить, кому следует перезвонить. Несмотря на офис, который Дронго снимал на проспекте Мира, многие по-прежнему, видимо, считали, что с ним проще связаться, позвонив ему попозже домой. Однако на сей раз звонок в половине третьего ночи заставил его прислушаться.

— Извините, господин Дронго, что беспокоим вас так поздно, — раздался на автоответчике незнакомый голос, — но дело в том, что мы отпра-

вили на ваш адрес по Интернету срочное сообщение и очень просим вас нам ответить. Нам известно, что в это время вы еще не спите, поэтому решились вас потревожить... — На этом говоривший разъединился.

— Решили побеспокоить, — проворчал Дронго, направляясь к компьютеру. И, усаживаясь за стол, подумал: «Когда долго живешь один, это становится известно окружающим, и тебя постоянно достают».

Ему было уже сорок три года, волосы начали редеть, появилась седина, в глазах иногда проскальзывало тоскливое выражение одинокого циника, какое появляется у большинства умных людей в этом возрасте. Он прекрасно знал, что при желании может изменить свою жизнь в течение одного дня, для чего достаточно было переехать в Италию, где живут Джил и их сын. Но почему-то ему не хотелось менять устоявшийся образ жизни, сложившиеся привычки и подвергать риску любимых людей. Иногда он полагал, что все дело в его чудовищном эгоизме, который все перевешивает, иногда считал, что поступает правильно, иначе его легко можно будет шантажировать. А остаться в Италии, чтобы жить на содержании Джил, он не хотел и не мог.

Дронго вошел в Интернет, чтобы узнать, кому он так срочно понадобился, и сразу обнаружил послание, отправленное несколько минут назад.

«Уважаемый господин Дронго, нам нужно срочно с вами увидеться. Предлагаем варианты, где это может произойти: Варшава, Хельсинки, Тегеран. Любой из трех городов на ваш выбор. Ответа ждем немедленно».

— Как забавно, — пробормотал Дронго, — хотят со мной лишь поговорить, а предлагают для этого отправиться к черту на кулички. Интересно, почему их не устраивает Москва? Или, скажем, Баку? Или совсем рядом Минск? И вообще, почему для разговора с неизвестными мне людьми я должен куда-то ехать? Или это чья-то дурацкая шутка?

«Что вам нужно?» — напечатал он вопрос.

«Это очень важная для нас встреча, — прочитал он новое послание. — Мы заказали билеты во все три города. Сообщите, где можно с вами увидеться».

Дронго нахмурился. К чему такая секретность? И почему ему не хотят объяснить, зачем надо так далеко уезжать? Нет, он не будет больше с ними переписываться. Нельзя так вызывать человека, ничего ему не сообщая. Это, в конце кон-

цов, неприлично, не говоря уже о том, что и опасно.

«Деньги и билеты мы можем передать в течение часа, — прочитал он следующую строчку. — Назовите сумму вашего гонорара».

«Я не торгуюсь с незнакомыми людьми, не зная, о чем идет речь», — злясь, напечатал Дронго.

«Мы гарантируем вашу безопасность, — ментально поступил ответ. — вспомните, как несколько лет назад вы выступали в клубе вместе с группой музыкантов. Нам нужна ваша помощь».

«Я никогда не... — еще больше разозлившись, начал печатать Дронго, собираясь набрать следующее слово «выступал», как вдруг остановился. Замер. Посмотрел на предыдущий текст. И медленно начал стирать первые слова. Затем еще раз перечитал присланное ему сообщение. И напечатал совсем другое.

«Согласен вылететь в Хельсинки, — он немного поколебался, вспоминая, куда меньше лететь: в Варшаву или в Хельсинки. Самолеты Дронго не любил. Наверное, до столицы Финляндии все-таки ближе, чем до столицы Польши. И тут же дописал: — Только возьмите биле-

ты на самолет хорошей авиакомпании, лучше финской».

Через несколько секунд невидимый собеседник отозвался. Дронго давно приучил себя ничему особенно не удивляться. Но этот ответ его поразил.

«Билеты и деньги находятся внизу, у вашего охранника. Можете позвонить и забрать конверт».

Уяснив прочитанное, Дронго усмехнулся. Очевидно, он действительно нужен. И не просто нужен, если разговаривающие с ним люди заранее приготовили деньги и купили на его имя билеты в три города. Почти наверняка их помощники сидели в машине у его дома, чтобы передать нужный билет и деньги сразу, как только он даст согласие.

Дронго еще не успел додумать эту мысль до конца, как раздался телефонный звонок. В доме, где он жил, была собственная охрана, которую оплачивали сами жильцы. Он подошел к телефону и поднял трубку, уже догадываясь, что именно ему скажут.

— Извините меня, что звоню так поздно, — пролепетал перепуганный охранник, — но вам

привезли конверт и говорят, что вы его ждете. Я знаю, что вы обычно поздно ложитесь спать...

— У вас конверт? — спросил Дронго.

— У меня, — ответил охранник, — вот только что передали. Они еще не успели отъехать. Может, мне их остановить?

— Не нужно. Пусть кто-нибудь из вас поднимет конверт ко мне, — по ночам обычно дежурили два охранника.

— Сейчас принесем, — было слышно, как облегченно вздохнул дежурный, опасавшийся звонить в такое время.

Через несколько минут конверт был на столе у Дронго. На всякий случай он надел перчатки и маску. В конверте могла оказаться любая гадость, так что не стоило пренебрегать правилами безопасности. Взяв самурайский меч из коллекции безделушек, привезенных из разных стран, Дронго положил конверт за стену, под таким углом, чтобы видеть его отражение в зеркале. Потом, осторожно протянув за стену меч, воткнул его в конверт.

Ничего не произошло. В конверте не было ничего опасного. Он подвинул его к себе и пощупал. Кажется, пачка денег, больше ничего. Наконец осторожно вскрыл конверт, готовый отбро-

сить его в любую секунду. В нем лежали две тысячи долларов и билет в Хельсинки на рейс 154, вылетающий в 12.50 из Москвы.

«Как это мило с их стороны, — подумал Дронго, выяснив, что ему прислали билет в бизнес-класс на самолет компании «Финэйр». — Однако какую умелую операцию провели эти ребята из «музыкальной группы»!

Надо же, заранее купили три билета на мою фамилию в разные страны и только затем предоставили мне право выбора. Такую операцию могут осуществить лишь профессионалы. И я знаю, какую страну представляют эти люди. Странно, что они не захотели переговорить со мной в Москве. Или хотя бы выбрали город поближе. Ведь должны бы помнить, что я не люблю летать. Но тем не менее решились на такой вызов. Значит, им нужно встретиться со мной вне пределов досягаемости российской контрразведки. — Он взглянул на часы. — До вылета еще много времени. Можно проанализировать последние сообщения и попытаться понять причину их внезапно пробудившегося интереса».

Дронго закончил работать под утро и принял душ, прежде чем немного поспал перед выходом из дома. Он почти никогда не спал в авиалайне-

рах, хотя в удобных креслах первого или бизнес-класса вполне мог хорошенько отдохнуть.

В аэропорт Шереметьево-2 Дронго приехал за полтора часа до вылета. Самолет отправился в Хельсинки точно по расписанию.

Перед тем как пройти в салон бизнес-класса, Дронго вошел во второй салон и посмотрел на сидящих там пассажиров. Их было немного, и среди них он не обнаружил людей, которые его интересовали.

Его место оказалось у окна. В окно он смотреть не любил, полагая, что для психики обычного человека вид на землю сверху совершенно ненормальное зрелище. Поэтому, недовольно нахмурившись, сразу же задернул его шторой, выпил стакан сока, который ему принесла улыбающаяся стюардесса, и только затем огляделся.

В его салоне было еще меньше пассажиров: две семейные пары пожилых скандинавов — то ли шведов, то ли датчан, пузатый мужчина в первом ряду, перебирающий свои бумаги, молодая женщина с собранными в хвост светлыми волосами, сидящая позади него, да еще несколько мужчин, ни один из которых не привлекал его внимания.

Дронго тяжело вздохнул. Наивно надеяться,

что с ним захотят встретиться в самолете. Несмотря на их профессионализм, такая фантастическая оперативность им, конечно же, не по плечу. Одно дело заранее приобрести три билета на разные направления, тем более в бизнес-класс, которые всегда можно сдать, и совсем другое — подготовить троих людей для нужного с ним разговора. При таком количестве агентов сохранить в секрете эту встречу и содержание беседы практически невозможно.

Дронго закрыл глаза. Когда принесли еду, отказался — не привык завтракать, а уж тем более обедать по утрам. Для него час дня было ранним утром. Он попросил чая и свежие газеты на английском языке.

Выходя из самолета, Дронго внимательно смотрел на встречающих, но таблички со своей фамилией не увидел. Это ему не понравилось. Неужели они не успели подготовиться? Придется заказывать отель. Оглядевшись по сторонам, он уже сделал два шага по направлению к замеченной надписи «Резервация отелей», как заметил торопливо подходящего к нему молодого человека. По тому, как он запыхался, было ясно, что встречающий немного опоздал в аэропорт.

— Извините, вы господин Дронго? — спросил подошедший.

О, нужно было видеть его лицо! Словно он встретил живого киногероя. Или своего кумира.

— Обычно меня так называют, — кивнул Дронго.

— Вас будут ждать через два часа на улице Марианкату в районе Круунунхака. Это у набережной, совсем нетрудно найти. Там много антикварных магазинов...

— Найду, — усмехнулся Дронго. — Надеюсь, ваш человек знает меня в лицо?

— Да, он вас знает, — быстро подтвердил молодой человек. — Мы сняли вам квартиру в частном доме на Людвигинкату. В соседнем с ним здании находится редакция газеты «Хельсингин Саномат». Это место известно любому таксисту. Квартира оплачена на несколько дней вперед, и, естественно, там названа другая фамилия. Вот ваши ключи. Если что-то понадобится, можете мне позвонить. Пожалуйста, моя визитная карточка.

— Не надо, — отказался Дронго, забирая ключи, — никаких карточек. Назовите номер, и я его запомню.

— Да, да, конечно, — смутился его собеседник и назвал номер своего телефона.

Дронго кивнул и отправился к стоянке такси, катя за собой небольшой чемодан на колесиках. У выхода из здания аэропорта он обернулся.

Молодой человек, не скрывая своего восхищения, смотрел ему вслед.

«Бремя популярности, — усмехнулся Дронго, усаживаясь в машину, и с огорчением подумал: — Только квартиры мне не хватало!» Он не любил снятых частных квартир — уж слишком остро в них ощущалась какая-то бесхозность, должно быть, из-за отсутствия книг, безделушек и иных мелочей, которыми обычно наполнены настоящие жилища. В отелях, там это понятно, а в домах без подлинных хозяев сразу бросается в глаза.

Квартира оказалась в центре города — три большие комнаты и просторная кухня. В холодильнике нашлись молоко, минеральная вода, пакетики с кофе и чаем, сахар, сахарин, соль. Одним словом, можно какое-то время жить. Он включил чайник, принял душ, успел побриться и выпить чай, прежде чем отправился на встречу.

«Спасибо, что не сразу потащили на встречу, — в очередной раз подумал Дронго, уже вый-

дя на улицу. — Хотя, наверное, такт тут ни при чем. Просто в Хельсинки раньше других прилетел тот молодой человек, а настоящий агент, с которым будут вестись переговоры, прибудет как раз через два часа».

Все произошло так, как он и предполагал. На набережной маячил парень, встретивший его в аэропорту, а когда Дронго свернул на Марианкату, к нему почти сразу же шагнул грузный мужчина лет пятидесяти пяти. У него было одутловатое лицо, большие, немного выпученные глаза, седые волосы. Он кивнул Дронго в знак приветствия и подошел ближе.

— Таким вас себе и представлял, — сказал мужчина, — здравствуйте. Спасибо, что приняли наше приглашение. Меня зовут Нодар Ги-гаури.

— Меня обычно называют Дронго, — произнес Дронго свою привычную фразу, протягивая руку. — Можете не говорить, откуда вы. Грузинский акцент скрыть невозможно. Ни вам, ни вашему помощнику.

— Мы надеялись, что вы поймете, о какой музыкальной группе идет речь, — улыбнулся Ги-гаури.

— Разве это можно забыть? — улыбнулся

Дронго. — Хорошо помню, как меня принимали в почетные члены вашего спецназа, который назывался группой «Октава», вручали знак. Кажется, я был всего лишь третьим почетным членом.

— А вы помните, где именно получили этот почетный знак? — быстро спросил Нодар Гигаури.

— Это проверка? — усмехнулся Дронго. — Думаете, меня могли подменить в пути? Конечно, помню. Это происходило в кабинете президента грузинской международной нефтяной компании Георгия Чантурия.

— Правильно. — Нодар показал в сторону порта: — Давайте немного пройдемся и поговорим.

Они повернули к морю. Молодой человек, держась на приличном расстоянии, шел за ними следом. Немного помолчав, Нодар сказал:

— Мне говорили, что вы очень умный человек и поймете, почему мы решились вызвать вас таким необычным образом.

— Догадываюсь, — отозвался Дронго. — Вы не хотели встречаться со мной в Москве, опасаясь возможной реакции российских спецслужб.

— Верно, — подтвердил Нодар. — Наши люди уверяли меня, что вы не связаны с ними, но в та-

ких делах не может быть никаких гарантий, господин Дронго. — И он искоса посмотрел на него.

Дронго пожал плечами, улыбнулся:

— Во всяком случае я не получаю зарплаты в Ясенева.

— Я не хотел вас оскорбить, — поспешно заметил Нодар и сделал несколько шагов молча, прежде чем продолжил: — У нас считают вас лучшим экспертом-аналитиком, какого только можно найти на постсоветском пространстве, но мы не хотели встречаться с вами в Москве и по целому ряду других причин. Поэтому разработали такую дорогостоящую операцию. Мы нуждаемся в вашей помощи, господин Дронго.

— Что у вас произошло?

— Вы понимаете, что о нашем разговоре никто не должен знать? Извините, что я так говорю, но это обычная форма. Если мы не договоримся, я уйду, а вы можете вернуться в Москву через два дня.

— Смотря о чем будем договариваться, — ответил Дронго. — А насчет разговора могли бы не предупреждать. Не думаю, что вы прислали мне билет в Хельсинки только для того, чтобы со мной познакомиться.

Нодар молча кивнул. По его покрасневшим

глазам было видно, что он не спал в эту ночь. Потом оглянулся, словно проверяя еще раз, где находится его помощник, и сообщил:

— В прошлом месяце у нас погиб секретарь Совета безопасности. Застрелился. Вы, наверное, слышали об этом? О его смерти написали все грузинские газеты. И российские тоже. И даже передали по Си-эн-эн.

— Слышал. И знаю, что вы должны благодарить за это журналистов, которые затравили его своими бесцеремонными нападками, — мрачно заметил Дронго.

— Многие не поверили в его самоубийство, хотя он действительно застрелился, — хмуро произнес Нодар. — Там все было ясно. Но у нас произошла новая трагедия, — он тяжело вздохнул, провел рукой по лицу, — два дня назад погиб заместитель министра внутренних дел Грузии Шалва Гургенидзе. Погиб при схожих обстоятельствах — тоже застрелился. Во всяком случае именно такое официальное сообщение мы готовим для передачи информационным агентствам. Вчера об этом уже было известно в Тбилиси. Сегодня утром, наверное, сообщили во всех газетах. Представляете, какие будут комментарии?

— А он действительно застрелился?

Нодар с заметным уважением взглянул на Дронго:

— Приятно беседовать с профессионалом. Конечно, нет. Его убили. Он сидел дома, у себя в кабинете. Убийца вошел туда и выстрелил ему прямо в голову.

— Откуда вы знаете, что убийца был в кабинете? Есть свидетели или какие-нибудь доказательства его присутствия?

— Есть. Убийцу видела дочь покойного. Она вошла в комнату как раз в тот момент, когда он уходил через балкон. Там деревянная галерея и лестница во внутренний дворик. Хорошо еще, что убийца не выстрелил в несчастную женщину.

— Он оставил пистолет?

— Да, но это пистолет самого Гургенидзе.

— Что? — удивился Дронго. — Вы хотите сказать, что убийца вошел в дом вашего заместителя министра, выстрелил ему в голову из его же пистолета и ушел незамеченным?

— Мы тоже ничего не понимаем, — признался Нодар. — Но если бы убийца стрелял в обычного чиновника, мы не стали бы к вам обращаться. Такие преступления расследует прокуратура. Все дело в том, что у нас совсем нет времени.

Дронго помолчал, выжидая, что еще скажет его собеседник.

— Погибший курировал вопросы международного сотрудничества в Министерстве внутренних дел, — сообщил Нодар. — Летал в Вашингтон и в Берлин на переговоры. Именно он и еще один генерал недавно были в США, подписывали предварительный договор о начале нашего сотрудничества с американцами. Гургенидзе от Министерства внутренних дел, Аситашвили — от Министерства обороны.

— Кажется, у вас не просто криминальное убийство, — понял Дронго.

— Да, мы связываем убийство Гургенидзе с его командировкой в США, и если это действительно так, то мы столкнулись с очень большой проблемой. Дело в том, что у нас есть только одна неделя, чтобы провести расследование и найти убийцу. Только семь дней.

— Я могу узнать почему?

— Это связано с его командировкой, — повторил Нодар, — и с сотрудничеством нашей страны с США в борьбе с терроризмом. У нас есть только семь дней на расследование убийства генерала Гургенидзе. И мы должны сделать все, чтобы найти преступника.

— И вы не можете мне сообщить причины столь конкретного срока? — поинтересовался Дронго.

— Почему, наверное, могу, — спокойно ответил Гигаури и оглянулся по сторонам. — Собственно, через несколько дней об этом будет знать весь мир. Через семь дней американцы должны высадиться в Грузии, — ошеломил он своего собеседника, — у нас уже подписаны все договора. Все решено. Их специалисты будут готовить наш спецназ и внутренние войска. Но вы, конечно, понимаете, пока эту новость в мире знают лишь считанные единицы.

Дронго остановился. Услышанное было настолько невероятным, что в это было трудно поверить.

— Вы просчитали все последствия такого решения? — задумчиво спросил он.

— Решение принималось на высшем уровне, — заметил Нодар. — Я не вхожу в число лиц, которые рассматривают такие вопросы. Это компетенция президента страны и высшего руководства.

— Гургенидзе подписал договор о начале сотрудничества с американцами, — повторил Дрон-

го, — и вы считаете, что его смерть как-то с этим связана.

— Так считаем не только мы, но и американское посольство в Тбилиси. Посол уже заявил, что, если мы не найдем виновников смерти Гургенидзе, приезд американцев в Грузию будет приостановлен.

— Может, этого как раз и добиваются те, кто убил генерала? — спросил Дронго, продолжая движение.

— Возможно. Но американцев можно понять. Если мы не смогли обеспечить безопасность собственному генералу полиции, то как собираемся охранять приглашенных советников?

— Они не предлагали вам помощь в расследовании? — задал вопрос Дронго.

— Уже предложили. Через два дня в Грузию придут их специалисты ФБР. Но у нас есть некоторые сомнения. Разобраться в наших проблемах и понять, что именно у нас происходит, не так-то просто. Американцам нужно объяснить, почему нам не подчиняется Абхазия или почему наши чиновники не могут появляться в Аджарии. В общем, у нас масса региональных и местных проблем, которые специалисты ФБР не обязаны знать. Поэтому и нет никакой уве-

ренности, что они справятся. Сегодня вторник. До высадки десанта осталось семь дней. И мы решили, что нужно найти специалиста, который хорошо понимает наши проблемы. Вот поэтому и решили обратиться к вам — лучшему аналитику из всех, кого мы знаем.

Дронго помолчал. Они находились у административного здания кафедрального собора, украшенного барельефом «Улов святого Петра». Он подумал, что этот барельеф очень соответствует характеру их беседы, и усмехнулся. Потом, оглянувшись на молодого сотрудника службы безопасности, по-прежнему державшегося от них метрах в ста, внимательно посмотрел на Нодара.

— Мы готовы на все ваши условия, — сказал тот. — Время не терпит. Можем прямо отсюда поехать в аэропорт. Полетим в Тбилиси через Стамбул. Если, конечно, вы согласитесь.

Дронго продолжал молчать.

— Если вы не можете принять участие в расследовании или вас смущают какие-то моральные обязательства, считайте, что нашего разговора не было, — заявил Нодар. — Возможно, вы находите, что не вправе вести расследование, в результате которого можете выйти на россий-

ские спецслужбы. Я ничего не утверждаю, но стратегически ведь каждому ясно, кому мешает американский десант в Грузии.

Дронго все еще молчал. Они повернули к зданию мэрии города.

— Решайте, — попросил Нодар, — у нас мало времени.

— Хорошо, — сказал Дронго. — Только забере-
рем мои вещи. И еще мне нужно будет купить несколько сорочек, чтобы иметь надлежащую смену белья.

— В Стамбуле у нас будет около трех часов времени, — улыбнулся Нодар. — Честно говоря, я не рассчитывал на ваше согласие. Считал нашу встречу авантюрой. Мы полетим через Цюрих. Из Хельсинки нет прямого рейса на Стамбул. Либо через Цюрих, либо через Стокгольм.

— Я так и думал, — поморщился Дронго, — придется дважды садиться в самолет. Ради вас я иду на невероятные жертвы, — пошутил он и уже более серьезно спросил: — Вы знаете, что у меня много друзей в вашей стране?

— Знаем, конечно. Это тоже сыграло не последнюю роль в нашем выборе. И знаем про ваши кавказские корни. Вы способны лучше понять наши проблемы.

— Просто я очень люблю Грузию, — признался Дронго. — Будем считать, что мы договорились. Детали обговорим в самолете. К тому же я должен помнить, что являюсь почетным членом вашего спецназа, а значит, я не имею права отказываться.

ГЛАВА 2

Самолет набрал заданную высоту, и стюардессы начали разносить напитки пассажирам обоих салонов. В бизнес-классе находилось лишь несколько человек. Дронго с самого начала полета испытывал некоторое неудобство. Оба его спутника летели экономическим классом, тогда как ему предложили билет в первый салон. Дронго понимал, что такой выбор продиктован отсутствием средств. Очевидно, его спутники взяли билеты туда и обратно, что было гораздо дешевле, а для него купили билет бизнес-класса в одну сторону, который к тому же всегда можно сдать обратно.

Когда разнесли напитки и начали раздавать еду, он решительно поднялся и прошел в соседний салон. Там тоже было не так много пассажиров. Дронго подошел к Нодару.

— Ценю ваше благородство, — негромко произнес он, — но было бы лучше, если бы мы сидели рядом. Хотя понимаю, что билет экономического класса в одну сторону стоит не дешевле того, по которому путешествую я.

— Вы все понимаете, — усмехнулся Нодар, — именно поэтому мы взяли билеты в разные салоны. Кроме того, кто-нибудь может проверить, с кем именно вы летите. И будет неприятно, если в салоне бизнес-класса окажется известная фамилия.

— Они проверят всех пассажиров самолета, — возразил Дронго. — И вообще, я не думаю, что ваша конспирация может вам помочь. Но в первом салоне я чувствую себя не совсем уютно. Поэтому лучше посижу здесь. Тем более что рядом с вами есть свободные места.

Он уселся около Нодара. Молодой напарник Гигаури, сидевший у окна, взглянул на него и только кивнул головой.

— Не думаю, что в салоне самолета кто-нибудь понимает русский язык, — сказал Дронго. — Но жаль, что я не знаю грузинского, говорили бы на вашем языке.

— Могли бы и выучить, — заметил Нодар. — Я думал, вы понимаете по-грузински.

— Немного, — улыбнулся Дронго, — поэтому нам придется говорить по-русски.

К нему подошла стюардесса из первого салона:

— Извините, мистер, но вам нужно вернуться на свое место. Мы сейчас раздаем еду.

— Я не голоден, — отозвался Дронго, — и хочу посидеть здесь, рядом с моим другом.

— Может, вам лучше перейти вместе с ним в первый салон, — предложила стюардесса. — У нас только три пассажира бизнес-класса.

— Спасибо, — Дронго поднялся и обратился к Нодару: — Она предлагает нам пройти в другой салон. Давайте примем ее предложение. Ведь там только два пассажира, не считая меня. А здесь человек пятьдесят. Среди них вполне может оказаться кто-то, знающий русский, а там двое скандинавов наверняка его не понимают.

Нодар поднялся и прошел следом за Дронго.

— В Турции у нас будет три часа времени, — напомнил он. — Я не знаю турецкого, но надеюсь, вы сумеете сориентироваться, ведь турецкий и азербайджанский достаточно похожи.

— Почти идентичны, — согласился Дронго.

— Не знаю, к сожалению, ни одного из них, — признался Нодар.

— Лучше всего знать английский и русский, —

пробормотал Дронго. — Во всяком случае, в Европе и в странах СНГ тогда никаких проблем. Хотя в идеальном варианте неплохо знать еще китайский, арабский, французский, испанский. И тогда можно спокойно путешествовать практически по всему миру.

Они прошли в салон бизнес-класса, и Нодар устроился рядом с Дронго. Тот обратил внимание, что, усаживаясь, Гигаури протиснулся в кресло как-то правым боком, словно оберегал левую руку.

— И вы знаете все эти языки? — спросил Нодар. — Только не говорите, что знаете, иначе у меня появится комплекс неполноценности.

— К сожалению, не знаю, — признался Дронго. — У меня в активе русский, английский, итальянский, конечно, азербайджанский и турецкий. Не более того. Скромный набор обычного образованного человека. Часто жалею, что не владею французским или немецким.

— Слава богу! — притворно вздохнул Нодар. — Я тоже, кроме грузинского, знаю еще английский и немецкий. Как вы говорите, обычный набор образованного человека...

— Забыли про русский, — тихо напомнил Дронго.

— Что? — не понял Нодар,

— Вы забыли назвать русский язык. Его вы тоже хорошо знаете.

— Да, конечно, — нахмурился Нодар, — мы так к нему привыкли, что воспринимаем знание русского языка как само собой разумеющееся.

— И тем не менее нынешние ваши отношения с Россией оставляют желать много лучшего.

— Вы все-таки думаете, что это российская спецслужба организовала убийство генерала Гургенидзе?

— Это вы так думаете, — возразил Дронго. — Или хотите так думать...

— Не знаю, — признался Нодар. — Сам не знаю, чего я хочу. И, по-моему, у нас многие не знают, чего они хотят. Иначе мы не шарахались бы из стороны в сторону. Во всяком случае, убийство Гургенидзе выгодно именно российской стороне.

— Давайте начнем с генерала, — предложил Дронго.

Нодар тяжело вздохнул, затем тихо сказал:

— Теряем лучших. Гургенидзе был одним из самых лучших наших генералов. Все думали, что он станет министром внутренних дел республики.

— Он давно работал в милиции? Или у вас уже успели переименовать милиционеров в полицейских.

— Успели. Он работал в милиции-полиции всю свою жизнь. Больше двадцати пяти лет. Закончил юридический факультет нашего университета. Начинал обычным следователем, потом был старшим следователем. В двадцать девять лет стал заместителем начальника райотдела. Затем поехал в Москву на учебу, вернулся уже начальником отдела министерства. В девяностом году ушел из органов МВД, после того как у нас выбрали Звиада Гамсахурдиа. В девяносто третьем вернулся. Снова на свое место. Гургенидзе хорошо знал английский язык, самостоятельно выучил турецкий. Он вырос в Тбилиси, в районе Шайтанбазара, а там жило много татар... Извините, но мы обычно так называли всех азербайджанцев, лезгин, аварцев, чеченцев, татар. В девяносто восьмом его назначили заместителем министра внутренних дел. Вот, собственно, и все. Он был настоящий профессионал, очень грамотный, толковый специалист.

— А чем генерал занимался те три года, пока не работал? — поинтересовался Дронго. — Я имею в виду с девяностого по девяносто тре-

тий год. У него был свой бизнес? Или перешел на другую работу?

— Нет, он ушел на преподавательскую работу. В Москве после учебы в Академии МВД он стал кандидатом юридических наук. И вернулся к нам уже подполковником.

— У него должны были остаться в Москве связи и знакомые...

Нодар чуть удивленно посмотрел на Дронго. Затем согласно кивнул:

— Конечно. У нас у всех остались друзья в Москве. И в других городах тоже.

— Сколько ему было лет?

— Только сорок девять. Все считали, что у него большое будущее.

— Вы говорили, что американцы обещали вам помочь.

— Должны прилететь сотрудники ФБР. Хотя я не думаю, что они поймут, почему Гургенидзе ушел из МВД после прихода к власти Гамсахурдиа. Нам будет трудно им объяснить некоторые очевидные для нас вещи. В Америке профессионалы не уходят из полиции после смены очередного президента. Хотя, может быть, сотрудники ФБР и сумеют нам чем-то помочь.

— Солидная компания, — пробормотал Дрон-

го, — специалисты ФБР, ваша прокуратура, независимый эксперт. Надеюсь, вы не пригласили офицеров из ФСБ?

— Нет, не пригласили, — не захотел понять его юмора Нодар. — Нам нужно провести независимое расследование, чтобы найти убийцу. И если окажется, что в убийстве Гургенидзе виноваты наши северные соседи, мы не станем скрывать этот факт ради сохранения наших дружеских связей, — очень серьезно добавил он.

— А разве они остались? — вздохнул Дронго. — Мне кажется, обе стороны сделали все, чтобы отношения между ними перестали быть дружескими.

— Вопрос не ко мне, — заметил его собеседник, — я не министр иностранных дел и не отвечаю за нашу внешнюю политику.

— Мы все отвечаем за политику наших чиновников, — не согласился с ним Дронго, — и за внутреннюю и за внешнюю. Политики в большинстве своем популисты и всегда стараются идти на поводу у большинства населения. Очень немногие из них позволяют себе идти «против волны».

— Возможно, — кивнул Нодар, — но именно поэтому нам важно знать, кто убил генерала

Гургенидзе. Если хотите, нам важно точно установить причастность любой из сторон к его смерти. Возможно, в его убийстве были заинтересованы и внутренние силы в нашей стране, которые пытаются дестабилизировать обстановку.

— Вы сказали, что он ушел с работы после прихода к власти звиадистов, — напомнил Дронго. — У него, что, были плохие отношения с вашими радикалами?

— Не сказал бы, — чуть подумав, ответил Нодар. — Скорее он хотел вообще избежать политики. А при Гамсахурдиа даже дворники в нее втягивались. Был случай, когда один из них отказался убирать улицу перед домом бывших партийных функционеров. А один наш депутат даже потребовал перенести время на два часа вперед, чтобы оно не совпадало ни с бывшим советским, ни с настоящим московским. Любые возражения, что время зависит от солнца, не помогали. Одним словом, идиотизма хватало. — Он тяжело вздохнул, потом улыбнулся. — Я тоже едва не ушел в те годы из органов госбезопасности. Тогда казалось, что все кончено. После апрельских событий в Тбилиси многие перестали верить Москве и центральной власти. Тогда-то Гургенидзе и решил уйти в науку. Нет, у него не было

никаких прямых столкновений со звиадистами, хотя он их, конечно, не любил.

Подошедшая стюардесса спросила, что будут пить Дронго и его сосед.

— Красное вино, — попросил Дронго.

— Мне тоже, — согласился с его выбором Нодар.

— Скажите, — продолжил Дронго, когда стюардесса отошла, — где был Гургенидзе во время восстания против Гамсахурдиа? И где были в это время вы сами? Я не спрашиваю, на чьей стороне, мне интересно, насколько активно вы принимали участие в событиях конца девяносто первого года.

— Большинство наших сотрудников тогда было против Звиада Гамсахурдиа, — откровенно поделился Нодар. — К этому времени он потерял популярность и не пользовался прежней поддержкой. Вы же знаете, как один раз он уже предал своих товарищей под давлением КГБ. В августе девяносто первого он оказался среди тех руководителей республик, которые не выступили против ГКЧП. Более того, Гамсахурдиа фактически поддержал их и скомпрометировал себя таким поведением. После этого он уже не мог оставаться на своем посту. Мы все об этом знали.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил Дронго.

— Я был в числе тех, кто активно выступал против Гамсахурдиа, — сообщил Нодар. — Мы поддерживали Китовани, почти все сотрудники нашего отдела.

— А Гургенидзе?

— Насколько мне известно, в это время он работал в университете и избегал однозначного выступления на чьей-либо стороне.

— Вы сражались в Абхазии?

— С чего вы взяли? — снова нахмурился Нодар. Ему явно не нравились вопросы Дронго.

— Не знаю. Скорее это подсознательный вывод. Вы сказали о Китовани, а я помню, что его отряд сражался в Абхазии. Кроме того, вы несколько странно прижимаете левую руку. Были ранены?

— Да, — мрачно кивнул Нодар, — у меня было ранение в руку. Вам интересно, почему я так отношусь к России? Или вы спросили из-за Китовани?

— Мне интересно знать любые подробности, которые могут помочь в расследовании убийства вашего генерала, — пояснил Дронго.

Стюардесса принесла два бокала вина. Нодар взял один из них.

— Ваше здоровье, — пробормотал он и выпил вино до дна. Поставив бокал на столик перед собой, сказал: — Не понимаю, какое отношение имеет мое ранение к убийству Гургенидзе?

Дронго не торопясь осушил бокал и лишь тогда отозвался:

— Мне интересно, насколько вы субъективны. Но для этого необходимо знать все объективные факты.

— Интересный ответ, — усмехнулся Нодар. — Какие еще факты моей биографии вас интересуют?

— Больше никакие.

— Я хорошо отношусь к России, но очень плохо к российским политикам, — заявил Нодар. — А Китовани был достаточно смелым, но не всегда разумным человеком. И наделал много ошибок.

— Ясно, — кивнул Дронго. — Вернемся к генералу. Вы сказали, что в доме была его дочь. Сколько ей лет?

— Двадцать пять. Достаточно взрослый человек, чтобы отвечать за свои слова.

— Она была в доме одна?

— Нет, еще жена генерала и их внука. Но они сидели на кухне. Больше никого в доме не было.

— Сколько лет внуке?

— Четыре. Она была с бабушкой, и ее не пустили в комнату, где был убит Гургенидзе.

— У генерала было много детей?

— Нет, только двое. Дочь и сын. Дочь была замужем, два года назад развелась. Это ее ребенок был в доме, она жила с родителями. Сын работает в частной фирме, в момент убийства находился в Рустави и приехал через час после смерти отца. У него своя семья. Он живет в Сабуртало, у него там своя квартира в новом доме. Жена не работает, сыну семь лет, ходит во второй класс.

— А супруга Гургенидзе? Она работает?

— В школе. Учителем литературы в старших классах.

— Где работает дочь?

— В представительстве американской фармацевтической компании. — Нодар заметил настоженность, мелькнувшую на лице Дронго, которую тот не счел нужным скрывать, и поторопился добавить: — Никакого отношения к переговорам генерала в Америке она не имеет. И вообще, Этери поступила на работу в компанию еще два

года назад, задолго до поездки Гургенидзе в США.

— Он поехал туда впервые?

— Нет, бывал там несколько раз. У нас не так много генералов полиции, которые могут говорить на английском.

— Вы сказали, что она развелась. Где работает ее муж?

— Он дипломат, работал в нашем Министерстве иностранных дел.

— Что значит работал, сейчас не работает?

— Работает. Но, насколько я знаю, должен улететь в Англию, куда назначен советником посольства.

— Несмотря на развод?

— При чем тут развод? — удивился Нодар, потом, вспомнив, усмехнулся: — Слава богу, сейчас не советские времена, от дипломатов не требуют моральной устойчивости в семейных отношениях. Это его личное дело, с кем он живет, с кем разводится. У нас несколько изменилась ситуация.

— Разве? — спросил Дронго. — А мне казалось, что у вас стали еще более строгие требования к вашим дипломатам. Когда один из ваших дипломатов, аккредитованных в США, совер-

шил непреднамеренную автомобильную аварию, ваш президент демонстративно лишил его дипломатической неприкосновенности и разрешил передать в руки американского правосудия.

Нодар промолчал. Мимо прошла стюардесса, собирая пустые бокалы. Он жестом попросил ее принести ему еще вина. Затем медленно проговорил:

— Я начинаю беспокоиться, господин Дронго. Вы слишком хорошо осведомлены о ситуации в нашей стране. Слишком...

— По-моему, я сказал вам, что очень люблю вашу страну, — перебил его Дронго, — и нет ничего удивительного, что достаточно внимательно слежу за обстановкой в Грузии. Кроме того, я всегда помню, что занесен в списки почетных членов вашего спецназа. Считаю необходимым соответствовать этому высокому званию.

— Во всяком случае, я думаю, что мы не ошиблись, — медленно произнес Нодар, — вы знаете обстановку в нашей стране не хуже меня. А насчет дипломата... Между прочим, с этим решением Шеварднадзе были не согласны почти все наши дипломаты. И даже представители зарубежных посольств.

— Боюсь, это не единственное его решение, с

которым были не согласны ваши дипломаты, — заметил Дронго.

Нодар не сказал ни слова. Когда стюардесса принесла ему бокал вина, он выпил его залпом и мрачно уставился в окно. До посадки в Цюрихе было еще далеко. Дронго почувствовал настроение своего собеседника и решил дать ему немного времени отдохнуть, прежде чем продолжить свои расспросы.

ГЛАВА 3

В Стамбуле Дронго успел заехать в «Галерею», расположенную рядом с отелем «Холидей Инн» недалеко от аэропорта, и приобрести все нужные ему вещи. Когда они возвращались в аэропорт, Нодар спросил:

— Мне говорили, что этот район называется «Сладкие дома»? Не знаете, почему его так называли?

— Не знаю, — ответил Дронго, — но район действительно называется «Ширин евляр», что в переводе означает «Сладкие дома».

— Неужели есть что-то, чего вы не знаете? — улыбнулся Нодар.

— Очень многое! И чем больше я узнаю, тем

больше понимаю, что на самом деле знаю ничтожно мало. Моя самая большая мечта — запереться в собственной библиотеке лет на тысячу и читать все подряд. Но это только мечта...

— По-моему, дело, которым вы занимаетесь, не менее важно, — возразил Нодар.

— Иногда мне кажется, что нет, а иногда, думаю, вы правы. Хотя в любом случае ничего другого я не умею.

В самолете на Тбилиси их места оказались рядом. Нодар, оглянувшись по сторонам, очень тихо спросил:

— Как вы считаете, мы не слишком самонадеянно решили, что сумеем найти убийцу? У нас есть шансы?

— Судя по вашему рассказу, не очень большие, — признался Дронго, — но в любом случае нужно искать. Легче всего понадеяться на профессионалов из ФБР. Хотя я не помню ни одного случая, когда расследование подобных инцидентов, проведенное зарубежными специалистами, было бы успешным. Ни одного. Свои, доморощенные детективы гораздо чаще добиваются успеха. Это статистика, а цифры — вещь очень упрямая.

— Надеюсь, вы не проходите по разряду иностранцев? — поинтересовался Нодар.

— Нет, конечно. Я из доморощенных гениев. Только нужно, чтобы мне немного повезло, тогда мы найдем убийцу.

Больше они не разговаривали. В этом самолете могло оказаться гораздо больше людей, понимающих, о чем они говорят, и следовало соблюдать элементарную осторожность.

В аэропорту их встречали сотрудники Нодара. «Боинг» сел в три часа ночи. Нодар, глянув на часы, тяжело вздохнул.

— У них такое расписание, — сказал он, словно оправдываясь. — Непонятно, почему им разрешают прилетать в три часа ночи?

— Чтобы пассажиры отсюда могли вылететь ночью и утром попасть на нужный им рейс в Европу или в Америку, — пояснил Дронго. — Между прочим, в Алма-Ату и Ташкент их самолеты прибывают в половине третьего ночи, а в Баку тоже в три часа ночи. Но можно посмотреть на это по-другому. Сказать, что самолеты садятся в аэропорту в три часа утра. Так звучит гораздо лучше.

— Вы конформист, — заметил Нодар.

— Просто стараюсь принимать вещи такими,

какие они есть, — объяснил Дронго. — В первую очередь они думают о своих прибылях, а уже потом обо всем остальном.

У трапа самолета стоял микроавтобус, приехавший за ними. Двое молодых мужчин с понятным любопытством смотрели на прибывшего гостя. Сотрудник Нодара, летевший с ними из Хельсинки, сел в микроавтобус последним. Проверка паспортов отняла немного времени — все формальности были улажены за несколько минут, после чего Дронго с Нодаром уселись в много повидавший «Ниссан» темного цвета и поехали в центр города.

— Мы сняли для вас квартиру, — сообщил сидящий за рулем офицер.

— Надеюсь, это не ваша явочная квартира, — пошутил Дронго, — иначе я не смогу даже ходить в туалет из-за обилия ваших микрофонов.

Водитель и сидевший рядом сотрудник коротко рассмеялись, но ничего не сказали.

— Скоро рассвет, — неожиданно произнес Нодар, глядя на линию горизонта.

— В первую очередь мне нужно поговорить с членами семьи покойного, — сказал Дронго. — Еще, если можно, организуйте мне встречу с генералом Аситашвили, который летал вместе с

погибшим в последнюю командировку. И, конечно, мне надо пообщаться со следователем, который занимается убийством генерала...

— Со следователем будет сложнее, — мрачно отозвался Нодар. — Мы хотели бы скрыть от прокуратуры ваше появление в Тбилиси и наше параллельное расследование. С остальными можете разговаривать сколько хотите.

— Ясно, — Дронго больше не стал ничего спрашивать. День получился достаточно длинным, следовало немного отдохнуть.

Был уже пятый час утра, когда они подъехали к двухэтажному зданию. Очевидно, их ждали, потому что дверь была открыта. Нодар и Дронго вошли в дом. В просторной комнате навстречу гостям поднялся мужчина лет семидесяти. У него были мохнатые брови, густые седые волосы, красивое, породистое лицо. Он протянул к ним руки, словно намереваясь обнять каждого из вошедших.

— Это Мераб, — представил его Нодар. — Раньше работал главным инженером крупного военного предприятия, теперь — владелец этой небольшой гостиницы.

— Если можно так сказать, — грустно улыбнулся Мераб, — гостиница на втором этаже, а на

первом живу я с дочерью. Но ее сейчас нет, она уехала в Кутаиси к моей сестре и придет только через два дня. Поэтому мы будем одни, совсем одни, если не считать вашего помощника, — обратился он к Нодару.

Тот поспешно кивнул, ничего не объясняя.

— Вы не беспокойтесь, — поспешно сказал Мераб Дронго, — завтрак и ужин я могу готовить вам сам. А белье наверху свежее, как и положено в хорошей гостинице.

— Не сомневаюсь, — ответил Дронго, — вы извините, что мы не даем вам спать так поздно.

— Разве поздно? — удивился Мераб. — Мы раньше пяти утра не засыпаем.

Нодар произнес несколько фраз на грузинском, и они поднялись на второй этаж. Здесь оказались две просторные комнаты. Санузел — в конце коридора. В обеих комнатах, кроме двух отдельных кроватей, стояли тумбочки, небольшие столики, стулья. Полы были застелены небольшими чистыми ковриками.

— Выбирайте любую комнату, — предложил Нодар, — мы оплатили обе, чтобы у вас не было нежелательных соседей.

— В Тбилиси сейчас много таких гостиниц, —

в произнесенной фразе Дронго не было вопроса — скорее полутверждение.

— Да, — отозвался Нодар. — Даже великий Рамаз Чхиквадзе вынужден был открыть такую гостиницу. Мы оставили вам минеральную воду, две бутылки вина, наш лимонад. Вам нужно что-нибудь еще?

— Во всяком случае, вино в пять часов утра мне точно не понадобится, — сказал Дронго. — Спасибо за все, Нодар. У меня к вам просьба, если нельзя поговорить со следователем, может, мне привезут имеющиеся материалы? Или хотя бы их копии? Мне ведь нужно ознакомиться с уже имеющимися фактами, чтобы делать правильные акценты во время разговора с интересующими меня людьми.

— Мы уже сняли копии со всех документов, — ответил Нодар. — Утром в десять их привезут вам.

— А я смогу их прочесть? — спросил Дронго. — Ведь они наверняка на грузинском.

— Конечно, — кивнул Нодар. — Но мы пришлем нашего человека, который все переведет. А пока отдыхайте. Если хотите, можете принять душ. Правда, вода здесь только холодная. Горячей давно уже нет. Если захотите принять ван-

ну, Мераб подогреет вам воду, но для этого нужно полдня.

— Спасибо. Обойдусь холодной, сделаю растирание, хотя на «моржа» я мало похож. Поезжайте домой, Нодар, вы устали больше меня. Ведь летели в Хельсинки, чтобы успеть на встречу со мной. До свидания!

— Спокойной ночи, — Нодар повернулся и пошел к лестнице.

Дронго взял полотенце и отправился в конец коридора. Открыл дверь. Везде сухо, чисто. Он протянул руку и включил воду. Она оказалась не просто холодной, а ледяной. «Мне не везет, — подумал Дронго. — В Японии меня чуть не сварили в их горячей бане, а здесь предлагают принять ледяной душ. — Он еще раз подставил руку под струю. — Господи, как же холодно! Неужели можно решиться встать под такой душ? Хотя других вариантов все равно нет. Горячую воду нужно заказывать за день. Неужели Мераб будет греть воду в чайниках и наполнять из них ванну?» — Дронго снова протянул руку. Нет, это невозможно. Но после двух перелетов просто необходимо принять душ, иначе не заснуть.

«Как же хорошо вчера я принимал душ дома! — с неожиданной злостью сказал про себя